

ДЕТИ, ВОВЛЕЧЕННЫЕ В НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

27 ноября 2018

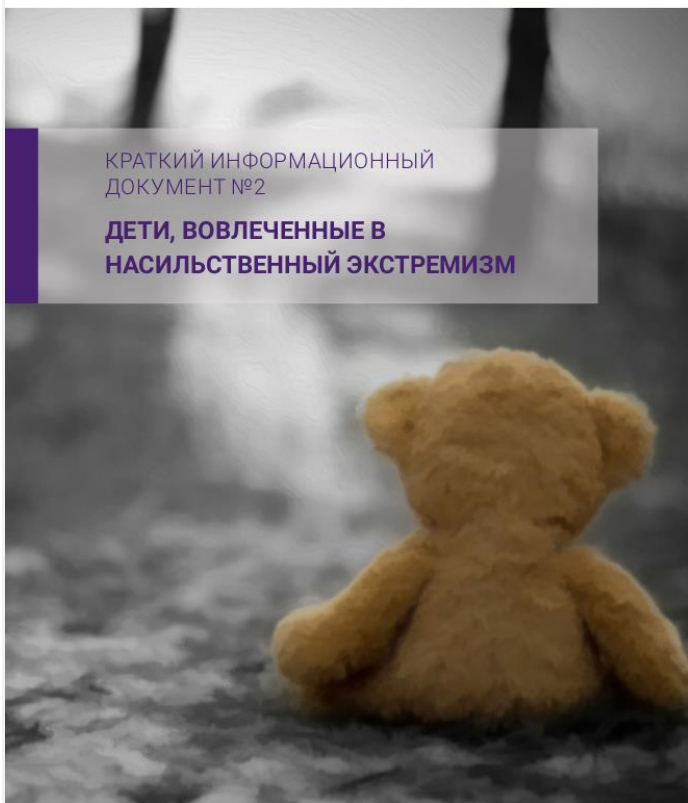
379

 Funded by
UK Government

КРАТКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ДОКУМЕНТ №2

**ДЕТИ, ВОВЛЕЧЕННЫЕ В
НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ**

Данное методическое пособие разработано в рамках реализации Проекта «Усиление противодействия радикализации и насильственному экстремизму в тюрьмах стран Центральной Азии через религиозный диалог и программы по реинтеграции» Представительством Международной тюремной реформы в Центральной Азии (PRI) при финансовой поддержке Фонда Великобритании по предотвращению конфликтов, содействию стабильности и безопасности (CSSF) – Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Правительства Великобритании. Содержание публикации не отражает официальную точку зрения Правительства Великобритании и Регионального Представительства Международной тюремной реформы (PenalReformInternational) в Центральной Азии.

© Представительство Международной тюремной реформы (Penal Reform International) в Центральной Азии, 2018

В абсолютном большинстве случаев террористы – это молодые люди до 30 лет. Начало их истории – это раннее лишение родительской заботы и внимания, а также травматичная юность, проведенная в лишениях и сопровождавшаяся многочисленными унижениями и утратами (дома, близких, имущества, социального и материального статуса и т.д.).

Отсутствие эмоциональных связей в детстве в последующем обычно компенсируется в их идеологическом или религиозном варианте, в частности, в фанатической преданности тем или иным лидерам или идеям и религиозно- утопическим мечтам о совершенном мире.

Другая крайность в воспитании, которая может способствовать деструктивному выбору во взрослом возрасте — предупредительный стиль семейного воспитания, который формирует инфантильный тип личности, когда у родных очень много страхов в отношении сохранения жизни и безопасности ребенка. Ребенку ставят запрет на любые действия, если они связаны хоть с малейшим риском. Например, «чтобы не ударился, не укололся, не устал», родители выполняют за ребенка даже самые элементарные действия.

В результате не развивается мелкая моторика, что затормаживает развитие психики. Поэтому эти дети обычно очень умные, но не могут применить свой интеллект. В детстве не обслуживали себя сами, поэтому никогда не станут самостоятельными в быту. Поэтому им очень близки идеи «быстрого рая», для достижения которого не нужно ничего делать, просто выйти на поле боя с автоматом. К слову, 70 процентов суицидов приходится именно на инфантильный тип. Красивые, милые, но очень агрессивные. Занижена самооценка, постоянно нуждаются в контроле. Нравственные нормы не выработаны, поэтому являются самыми ведомыми. Характерные черты – безразличное отношение к критике, равнодушие к другим, грубость, безответственность, выученная беспомощность, избегание трудностей.

Кроме инфантильного среди рядовых последователей встречаются интровертивный, тревожный и конформный социально-психологические типы личности.

Учитывая то, что предпосылки радикализации мы можем увидеть еще в раннем детстве, наиболее эффективным средством реагирования будет являться профилактика в раннем возрасте. Элементарная психологическая грамотность, привитая родителям, может решить едва ли не все проблемы, связанные с девиантным поведением в будущем. Но этот момент не учитывается в профилактической работе на пространстве ЦАР.

ДЕТИ, ПОБЫВАВШИЕ В ЗОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИРИИ И ИРАКЕ

В отличие от государственных институтов, МТО в зоне сирийской зоне конфликта воспитанию подрастающего поколения уделяют особое внимание. Детей называют «львятами халифата». Малыши и подростки проходят обучение в военных лагерях, присутствуют при казнях, сами казнят, используются в пропаганде.

К сожалению, многие из этих детей были лишены не только детства, но и жизни. По данным детского фонда организации ЮНИСЕФ, по меньшей мере 851 ребенок был вынужден участвовать в боевых действиях на стороне вооруженных группировок, в результате только за 2016 год в Сирии в ходе сражений были убиты более 650 детей.

Еще сотни умерли от болезней, которые можно было бы вылечить при наличии необходимых медикаментов и медицинской помощи», — говорится в сообщении Русской службы ВВС.

Несложно представить, какие невыносимые условия созданы для детей непосредственно в зонах боевых действий. Детская психика настолько лабильна, что они моментально впитывают идеи террора и воспринимают нормальным такое положение дел.

В террористических группах смерть в молодом возрасте вообще не воспринимается как некий феномен. Идеи вечного блаженства, безусловно, являются более мощными мотиваторами для родителей, которые не оставляют выбора своим детям. Самое почетное — стать смертником, учат террористы детей и все чаще используют на передовой в качестве живых бомб. Конечно, участие совсем маленьких 4–5 лет, — это, как правило, пропаганда, а не обычное дело. Но 12-15 летние дети, прошедшие тренировку в лагерях, всюю воюют. Они — шпионы, охранники, подрывники.

В 2016 МТО развернули кампанию в Интернете, заполняя его роликами о своем «наследии» — новом поколении убийц, которых они готовят в детских лагерях, «львятах халифата». В видеороликах мальчик по имени Абдулла заявлял о том, что он родом из Казахстана и хочет стать взрослым для того, чтобы убивать «безбожников». В следующем ролике в очередной раз демонстрируется одна из разновидностей казней. Жертвами в нем выступают пленные курды. Однако, у этой расправы имеется отличительная особенность. Палачами являются дети, которым в большинстве своем нет еще и 10 лет .

Это не просто очередная попытка посеять страх. Многочисленные свидетельства, документы и рассказы беженцев подтверждают, что на протяжении нескольких лет на территориях ИГИЛ (Международная террористическая группировка, запрещенная в странах ЦАР) в Сирии и Ираке действовали более десятка лагерей подготовки детей. Например, близкие выехавшей с четырьмя детьми из Казахстана в Сирию семьи рассказали, что мать отправила воевать своего 14-летнего сына, которого убили в первом же бою .

Томас Элберт, профессор нейропсихологии Университета Констанца, поясняет: *«Во-первых, дети — это дешево. В зонах конфликтов их можно заполучить очень легко, просто прийти в школу, забрать весь класс и превратить в боевиков. Во-вторых, ими легко манипулировать, они доверчивы. Там, где взрослый спрашивает «а правильно ли то, что мы делаем?», дети не задают вопросов. Все, кто воевал, знают, что взрослого не так-то просто заставить убить другого, дети часто воспринимают это как игру».*

Дети, воспитанные в традициях насильственной идеологии, с самого детства видят дискриминацию по национальным, половым, религиозным признакам. В феврале 2015 года наблюдатели ООН представили отчет, о том, среди ИГИЛ (Международная террористическая группировка, запрещенная в странах ЦАР) широко распространено сексуальное насилие, в том числе «похищения детей и превращение их в секс-рабов». В отчете говорится о том, что

боевики продают некоторых детей как секс-рабов, а остальных убивают, в том числе распинают их на крестах и закапывают заживо. Особенно часто это происходит с детьми из различных меньшинств, чаще всего, курдов.

Дети боевиков становятся невольными свидетелями этих преступлений. Для них становится нормой наблюдать за отцом, который насилует двенадцатилетнюю «рабыню», которая стала таковой только из-за своего происхождения.

В связи с этим Энн Шпекхард, директор Международного центра по изучению насильственного экстремизма, г. Вашингтон высказала следующие опасения: *«Мы разговаривали с детьми в тюрьмах Ирака, некоторых из них заставляли участвовать в казнях. Или их родители поощряли это. Иногда матери отводили в лагеря халифата, оттуда нельзя выбраться. Конечно, можно, сказать, что никто не может заставить человека совершить злодеяние. Но если ты ребенок, если напуган и не знал, под что подписываешься? Это ужасно. И как реабилитировать такого ребенка, как привезти домой? Даже если он не тот, кто убивал и насиловал, но он состоял в группе, которая этим занималась».*

Действительно, риски, связанные с возвращением детей из зоны сирийского конфликта на родину, не изучаются и не учитываются. Речь идет не только об идеологии, но и о их психическом состоянии. Стоит предположить, что у возвращенцев, как минимум, присутствуют признаки посттравматического стресса. Ситуация еще более обостряется, если ребенок фактически вырос, окруженный идеями террора. Ведь его характер, по принципам психологии, складывается и фундаментируется к семи годам жизни и коррекции не поддается.

ДЕТИ, ВОСПИТАННЫЕ В ИДЕОЛОГИИ МЕСТНЫХ ГРУПП НЭ

Сегодня не нужно ехать в Сирию, чтобы увидеть детей, воспитанных в духе радикализма. Первое поколение уже выросло и даже создает свои семьи. Например, в Астане школьницу отдали замуж в 15 лет. Девочку водил в школу ее муж. А когда маму вызвали в школу, она ответила, что больше не несет ответственности за дочь, так как теперь эта обязанность лежит на муже.

Самое ужасное, что сама девочка восприняла такой ранний брак, как должное, возможно потому, что альтернативы ей в никто не показывал. Дети невольно подражают своим родителям, у них другая, ограниченная система координат.

«У этих детей есть игрушки, но все без головы. Есть книжки, но все изображения зачеркнуты. И они, как и все дети, играют в войну. Только не с игрушечными ножами, а настоящими. Отрезать голову человеку для них в порядке вещей, потому что с малых лет они видели, как родители то же самое делали с куклами, дабы не допускать в доме изображений живых существ. Они переживают катастрофические психологические катаклизмы. Одна мама заявила, что не может переступить через себя и обнять своего сына, потому что она воспитывает воина, который, как только будет возможность, вступит на путь вооруженной борьбы», — поясняет психолог, бывший член террористической группы А. Базарбаева.

Учитывая описанный психологический климат и установки, навязанные группами НЭ, эти дети представляют собой реальный протестный потенциал.

рудно поддается логическому осмыслению и тот факт, что ресоциализация детей, имеющих опыт пребывания в экстремистских группах, фактически сводится к разовым беседам и материальной помощи, тогда как этот процесс должен быть разносторонним, непрерывным и учитывать все сопутствующие риски.

Например, женщина обратилась с жалобой на администрацию школы, где учится ее дочь. Девочка, следуя настоянию родителей, одевала хиджаб (платок, закрывающий волосы и шею) на уроки. По этой причине ее регулярно вызывала психолог и в ультимативной форме приказывала снять платок и не читать намаз. Агрессия со стороны администрации школы по отношению к ребенку, побудила родителей к радикализации. В том числе, мать высказала следующую мысль: «Чтобы воспитывать детей так, как я хочу, мы вынуждены сделать переселение. Убеждаюсь, что живу в кафирском государстве».

В этой ситуации вопрос даже не в противостоянии с государством, так как позиция была высказана в состоянии эмоционального возбуждения, а сколько в непрофессионализме упомянутого психолога, в чью компетенцию никак не могут относиться вопросы религии. Кроме того, она не имела права разговаривать с несовершеннолетней без ее согласия и без разрешения на то родителей.

Такие промахи в так называемой «профилактической» работе случаются повсеместно, так как до сих пор не выработаны концептуальные подходы к методике ресоциализации, соответственно, существует кадровый голод специалистов, способных провести качественную диагностику и сам процесс реабилитации.

ДЕТИ, ВОВЛЕЧЕННЫЕ В НЭ В СИЛУ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Чем младше человек, тем более он подвержен индоктринирующим влияниям, так как воспринимает окружение как обучающую среду. Период раннего полового созревания характеризуется активной ориентацией на адаптацию к паттернам общения в малой группе, то есть восприятие правил игры в коллективе. Этот возраст более всего уязвим в плане повышенной восприимчивости к предлагаемым ему паттернам поведения в группе, более того, именно в этом возрасте резко возрастает значение символических родительских фигур, которые проективно разыскиваются вовне

Второй возраст повышенной чувствительности — юношество 17-19 лет, когда возникает реальная жажда самоутверждения в социуме, однако сил для этого не хватает, а потому нужна поддержка покровителей, которые заведомо сильнее и образованнее самого человека. Достаточно продемонстрировать эффективность собственного поведения в кризисных ситуациях, для того чтобы стать кумиром молодого индивидуума.

обы стать кумиром молодого индивидуума. В юношеском возрасте очень сильна мотивация к формированию образа «Я» через отрицание отвергаемых моделей поведения. Самоопределение и самоутверждение осуществляется посредством контрастного и резкого

разграничения собственной идентичности с наблюдаемыми вовне примерами судеб и моделей жизни. Именно на этом строится психополитика и идеология, ориентирующаяся на предложение незрелому индивидууму ролевых моделей, заведомо отличающихся от общепринятых.

Выше мы говорили о детях, которым не была предоставлена возможность выбора и свободы действий. Но нередки случаи, когда в насильственную экстремистскую деятельность вовлекаются дети, чьи родные не имеют отношения к радикальным течениям. В ряде случаев они имели полные семьи, хорошее образование и социальный статус.

Например, три подруги – ученицы 9-ого класса по Интернету познакомились с представителями экстремистской группы. Примерно после третьего сеанса переписки они назначали день бракосочетания.

Обряд бракосочетания проводили втайне от родителей на квартире «братьев» по вере. Втайне, потому что те же «братья» убеждали девочек, что, якобы, не совершающие намаз родители мусульманами не являются, следовательно, их разрешение не нужно. После совершения обряда в жизни школьниц практически ничего не менялось. Они ходили в школу, ночевали дома, но в определенное время шли на свидание к мужу, для чего у сочувствующих «братьев» на время одалживались квартиры или комнаты. Для конспирации им выдавалась одежда, полностью скрывающая фигуру и лицо.

Потом «мужья» школьниц решили, что им нужно поменяться женами. Интересно, что обмен тоже удался. Все это время родители девушек не были в курсе, что происходит с их детьми.

Родители третьей школьницы обратились за помощью после того, как дочь убежала из дома. Опасным моментом в этой ситуации являлось то, что девушка полностью попала под влияние радикальной религиозной ячейки. Главной целью она считала стать женой боевика или же умереть по его приказу «шахидкой» (людьми, отдавшими свою жизнь на пути Аллаха). Вместе с «мужем» школьница мечтала отправиться в Сирию, где и должно было исполниться перечисленное.

Нужно отметить, что факторы радикализации детей до конца не были изучены научным сообществом. Они, аналогично взрослым, могут включать в себя маргинализацию, отсутствие социальных перспектив, сложное финансовое положение и др. Особую группу, особенно в Кыргызстане и Таджикистане, представляют дети трудовых мигрантов, оставшихся без попечения и воспитания родителей, которые более уязвимы в виду постоянного психологического стресса.

С другой стороны, фокус на вербовку несовершеннолетних сделан не случайно и обусловлен потенциалом, которым обладает молодежь. Это самая активная, перспективная часть любого общества. Если молодой человек будет радикализован в подростковом возрасте, то с большой вероятностью оставшуюся жизнь он положит на достижение целей своей организации и ее лидеров, потенциально приведет туда же друзей, членов семьи, и воспитает собственных детей в нужном формате, чем пополнит ряды верных членов группы.

В ближайшем будущем ЦАР может ждать еще одна проблема – вербовка и радикализация в исправительных учреждениях несовершеннолетних. В группах НЭ нет понятия «возраст террориста», они активно используют детей для достижения своих целей. Соответственно, появились и первые осужденные дети за преступления насильственного характера.

Например, в г. Шымкент, Казахстан, ученик 11 класса получил 4 года лишения свободы за возбуждение религиозной розни и пропаганду терроризма. За вывешивание флага ИГИЛ (Международная террористическая группировка, запрещенная в странах ЦАР) в Таджикистане в декабре 2015 года суд Хатлонской области приговорил троих несовершеннолетних жителей Шахритуского района к лишению свободы сроком от 7 лет.

Между тем, колонии для несовершеннолетних практически не охвачены профилактической работой и контролем на предмет распространения идей экстремизма и терроризма.

РЕАБИЛИТАЦИЯ И РЕИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА.

Уголовно-исправительная система в условиях нарастающих угроз распространения идей НЭ должна действовать на опережение. Особенно, если речь идет о радикализации осужденных из категории несовершеннолетних.

Дети обладают исключительной способностью для реабилитации, которая включает в себя построение конструктивных доверительных отношений с персоналом, развитие чувства оптимизма относительно будущего посредством развития образования, обучения и трудоустройства, а также восстановления семейных связей.

В исследовании «Второй отчет Голос ребенка», под авторством международных экспертов Фрэнсис Шеахан и Андреа Вудкок, проведенном ОО «Кредо», ОО «Молодежная правозащитная группа», при поддержке Представительства PRI в Центральной Азии, Национального центра по правам человека в РК, Национального центра по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в Кыргызской Республике и Аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан, говорится: «В Центральной Азии, в том числе Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане существуют проблемы по отдельному содержанию детей и взрослых. При этом треть детей, принявших участие в опросе, признались, что испытывали физическое насилие тяжелой степени со стороны полицейских.

Применение пыток, сокрытие от близких информации о задержании ребенка, допросы в ночное время, совместное содержание детей и взрослых, оскорбления следователей и даже сексуальное насилие – все наводит на мысль, что цель «нормального» общества еще более ожесточить малолетних преступников.

репели издевательства, потому что не верили, что им помогут. Потому что не знали о механизме защиты в таких случаях. Но от понимания проблемы необходимо приступать к действиям. Необходимо обновить портфели целого ряда служб, которые оказывали бы

психотерапевтическую поддержку, помощь с устройством на работу, адаптации в обществе. Нужны центры семейной поддержки, общежития и многое другое».

держки, общежития и многое другое» 14 . Работа PRI — Международной тюремной реформы в ЦА – в этом плане очень значима. Организация открывает в детских колониях обучающие курсы по кулинарии, информатике и кружки, например, по рисованию.

В случаях с детьми, совершившими преступления насильственного характера на фоне радикальной религиозной идеологии, реабилитация должна начинаться с момента прибытия в учреждение для содержания под стражей. Ребенок должен пройти собеседование с последующим составлением психологического и социального отчета. Этот отчет вместе с медицинским заключением должен использоваться учреждением для определения наиболее подходящей системы реабилитации. Консультации должны вестись с учетом пола и возраста.

характера на фоне радикальной религиозной идеологии, реабилитация должна начинаться с момента прибытия в учреждение для содержания под стражей. Ребенок должен пройти собеседование с последующим составлением психологического и социального отчета. Этот отчет вместе с медицинским заключением должен использоваться учреждением для определения наиболее подходящей системы реабилитации. Консультации должны вестись с учетом пола и возраста.

Одной из успешной практик такой работы является пакистанский проект «Sabaon», созданный военными, ЮНИСЕФ и другими организациями гражданского сектора в 2009 году в долине Сват. Основное внимание уделяется детям от 12 до 17 лет, которые были связаны с движением «Талибан». В проекте вместе работают психологи, преподаватели и религиозные деятели, которые вдохновляют на критическое мышление и учат самостоятельному принятию решений. После индивидуальной оценки риска, центр предоставляет молодым людям специализированное начальное и среднее гражданское образование, психологические и религиозные консультации, а также техническую и профессиональную подготовку. К 2012 году более 1150 молодых людей воспользовались этой программой, а в 2010 году был открыт второй пробный проект для девочек .

Двадцатипятилетний опыт PRI в работе по вопросам правосудия для детей заключается в том, что все дети в возрасте до 18 лет, нуждаются в особой защите, когда они находятся в конфликте с законом, независимо от тяжести предполагаемого преступления и независимо от того, являются ли они членами террористических групп.

Чрезвычайно важно понимать, что риск и опасность насильственного экстремизма не должен стать предлогом для ослабления применения международных стандартов в отношении детей, находящихся в конфликте с законом.

Если сегодня правильно выстроить подход к реабилитации детей, завтра мы сможем реально уменьшить риск участия их в насильственном экстремизме.

Источник: <http://mediagram.kz/tools/deti-vovlechennye-v-nasilstvennyj-ekstremizm/>